

Максим Пахотин

**Евгения и приют
полукровок**

Максим Пахотин

Евгения и приют полукровок

<https://litres.ru/73534554>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дождь, мокрая трасса, удар — и жизнь машине была одна. Но она точно помнит: рядом сидел он — Александр Ежов, которого она любила.

Вернувшись домой, Евгения обнаруживает, что мир изменился. Магия здесь — обыденность, по улицам ходят эльфы и орки. Сама она работает в приюте для одарённых детей — тех, кого называют «чужими». Среди воспитанников — замкнутый Андрей, способный вырубить электричество во всём районе, тролль Аббди, ненавидящий людей, и валькирия Анина, чьи братья жаждут её смерти за любовь к простому парню.

Но главная тайна ждёт Евгению впереди: Саша существует и в этом мире. Он — оперуполномоченный по борьбе с чёрной магией. Он смотрит на неё с недоумением, словно пытаясь вспомнить. А когда во время праздника в приюте исчезает Андрей, их пути пересекаются вновь.

Кто похищает особенных детей? И почему сердце Саши замирает каждый раз, когда он видит эту женщину?

Максим Пахотин

Евгения и приют полукровок

Глава 1. Мокрая трасса

Дождь лупил по лобовому стеклу так, что «дворники» не справлялись. Мир за окном превратился в сплошной серый поток, фары встречных машин расплывались мутными пятнами. Евгения вцепилась в руль, вглядываясь в убегающую ленту асфальта.

– Жень, может, сменимся? – голос Александра Ежова звучал спокойно, но в нём чувствовалось напряжение. – Дай я поведу.

– Всё нормально, – ответила она, хотя пальцы затекли от напряжения. – Я в норме.

Он хмыкнул, но спорить не стал. Сидел на пассажирском сиденье, положив локоть на дверь, и смотрел на дорогу. Рядом с ним, в бардачке, лежала распечатка ориентировки на Лёшу – восьмилетнего мальчика, который не говорил ни слова и пропал трое суток назад. Волонтёры только что позвонили: видели похожего ребёнка на платформе в посёлке За-речье. Группа выехала, но они двое – самые близкие к месту. Решили рвануть сами, не дожидаясь остальных.

– Если это он... – начала Евгения.

– Если это он, – перебил Ежов, – мы его заберём и сдадим в руки матери. А с теми, кто его там держал, будем разбираться потом.

Она покосилась на него. В полумраке салона его лицо казалось высеченным из камня – резкие скулы, упрямый подбородок. Саша Ежов. Тридцать пять. Женат. Отец девятилетней Юльки. Её коллега. Её... всё.

Они работали вместе уже три года. Он всегда подстраховывал её, помогал с самыми сложными делами, подсказывал. Никогда не позволял себе лишнего. Знал о её чувствах – она однажды не выдержала, поцеловала его в пустом коридоре отдела. Он тогда мягко, но твёрдо отстранился. Сказал: «Жень, не надо». И несколько дней ходил сам не свой. А потом всё вернулось на круги своя: работа, помощь, спокойная доброжелательность.

Но сейчас, в замкнутом пространстве машины, под шум дождя, границы будто стёрлись.

– Саш, – голос у неё дрогнул. – А если бы не было... ну, всего? Если бы ты был свободен?

Повисла тишина. Только дворники скребли по стеклу. Евгения закусил губу: зачем она это сказала? Сейчас, в такой момент? Но слова уже вылетели.

Ежов повернул голову, посмотрел на неё долгим, тёмным взглядом. В свете приборной панели его глаза блеснули.

– Жень, не надо об этом, – сказал он тихо, но в голосе про-

скользнуло что-то, чего она раньше не слышала. Сожаление? Горечь? – Мы сейчас не об этом должны думать.

– Я знаю, – она вцепилась в руль ещё сильнее. – Просто... иногда кажется, что мы живём не свою жизнь.

Он ничего не ответил. Отвернулся к окну, за которым хлестал ливень. Дорога пошла серпантином, впереди был крутой поворот.

И тут колёса машины наехали на что-то скользкое – то ли масляное пятно, то ли мокрую глину, которую намыло с обочины. Евгения рванула руль, но машину понесло. Мир закружился: серое небо, мокрый асфальт, деревья – всё смешалось в один бешеный калейдоскоп.

– Женья! – крик Ежова прозвучал оглушительно.

Удар. Хруст металла. Темнота.

Сознание возвращалось медленно, толчками. Сначала – звуки. Глухие голоса где-то далеко. Потом – запах. Станный, незнакомый, пахло травами и ещё чем-то сладковатым. И только потом – тело. Тяжёлое, ватное, не слушалось.

– ...сотрясение средней тяжести, но магический фон стабилен, – услышала она мужской голос. – Физическое тело восстановится быстро, а вот с духовной составляющей придётся поработать.

Евгения с трудом разлепила веки. Белый потолок. Белые стены. Палата, похожая на обычную больничную, только на

тумбочке у кровати стоял не графин с водой, а хрустальный шар, внутри которого клубился серебристый туман.

Над ней склонился мужчина в белом халате – совершенно обычном, врачебном. В руках он держал точно такой же шар, только больше, и вглядывался в его глубину.

– А... – Евгения попыталась заговорить, но горло перехватило.

Мужчина тут же перевёл взгляд на неё, сунул шар под мышку и привычным движением взял её за запястье, проверяя пульс.

– Очнулись? Отлично. Как себя чувствуете?

– Где я? – голос прозвучал хрипло, чужо.

– В больнице. Центральная районная. Вы в аварию попали, на трассе. Перевернулись.

Евгения зажмурилась, пытаясь собрать воспоминания. Дождь. Поворот. Саша...

– Где Саша? – она дёрнулась, попыталась приподняться.

– Где Александр Ежов? Он со мной был!

Мужчина в халате переглянулся с медсестрой, которая как раз заходила в палату.

– Тихо-тихо, – он мягко, но настойчиво уложил её обратно. – Вы одна были в машине. Вас мужики из попутки вытащили, местные, с трассы. Сказали, никого больше не было. Совсем никого.

– Не может быть, – Евгения замотала головой, хотя от этого движения в висках вспыхнула боль. – Мы вместе ехали.

Он сидел рядом. Мы мальчика искали, в Заречье...

Врач снова глянул на медсестру. В его взгляде читалось: «посттравматический синдром, классика».

– Всё хорошо, – голос стал ровным, успокаивающим, каким говорят с напуганными детьми. – Вас сильно ударило. Такое бывает, память путается, образы рисует. Полежите спокойно, всё пройдёт.

Он кивнул медсестре и вышел.

Евгения смотрела в потолок широко раскрытыми глазами.

Одна? Она была одна в машине?

Но как... Она же помнила. Помнила его голос, когда он предложил смениться за рулём. Помнила, как он смотрел на неё в ответ на её глупый вопрос. Помнила, как он крикнул «Женя!» перед самым ударом.

– Выпейте, – медсестра присела на край кровати, протянула кружку. – Травяной сбор, успокоительный. Вам сейчас нельзя волноваться.

Евгения послушно сделала глоток. Горьковатый, мятный. Мысли действительно начали расползаться, терять остроту, тонуть в ватной усталости.

– А... мужчина, который заходил? – спросила она вяло. – С шаром?

– Это Владислав Андреевич, наш диагност, – медсестра поправила одеяло, подоткнула со всех сторон. – Он с магической диагностикой работает. Вы его шаров не бойтесь, это

просто оборудование. У нас вся больница на таких.

Магическая диагностика. Шары вместо аппаратов.

– Ага, – выдохнула Евгения.

Веки тяжелели с каждой секундой. Отвар явно был с чем-то снотворным. Или просто организм брал своё после травмы.

Последнее, что она услышала перед тем, как провалиться в темноту – голос медсестры:

– Спите, Евгения Макаровна. Завтра всё будет хорошо.

Глава 2. Дорога домой

Четыре дня в больнице растянулись в вечность. Евгения почти привыкла к ежедневным обходам Владислава Андреевича с его шарами, к травяным настоям, к странным разговорам медсестёр о «потоках» и «каналах». Она перестала спрашивать про Сашу – на неё просто смотрели с жалостью, как на больную, и переводили тему. К концу третьего дня она и сама начала сомневаться: а был ли он вообще? Может, действительно сотрясение нарисовало ей попутчика?

Утром четвёртого дня за ней пришли.

– Евгения Макаровна, собирайтесь, – медсестра поставила на тумбочку пакет с вещами. – Ваши, из аварии. Постирали, починили. Магией кое-где заштопали, не обессудьте.

Евгения молча оделась. Джинсы, свитер, куртка – всё своё, только на джинсах левая штанина аккуратно зашита ниткой, которая слабо светилась в полумраке палаты. Она

провела пальцем по шву – нитка тут же потускнела, стала обычной.

– Работает, – довольно кивнула медсестра. – Ну, с выпиской вас. Документы отдадут в регистратуре. И зайдите к Владиславу Андреевичу на прощание, он просил.

Диагност ждал в своём кабинете, заваленном теми самыми шарами. Некоторые стояли на полках, некоторые плавали в воздухе, медленно вращаясь. Владислав Андреевич сидел за столом и что-то писал в толстой тетради пером – самым настоящим гусиным пером.

– А, Евгения Макаровна, присаживайтесь, – он махнул на стул. – Я тут заключение для вашего участкового целителя подготовил. Вы, главное, не перенапрягайтесь в ближайшую неделю. Магический фон восстановится, но пока он нестабилен. Если почувствуете головокружение или слабость – сразу к нам. И никаких самостоятельных ритуалов, слышите?

– Каких ритуалов? – тупо переспросила Евгения.

Владислав Андреевич посмотрел на неё с сочувствием:

– Ну да, память ещё барахлит. Ритуалов, говорю, никаких. Бытовую магию можно, конечно, но без фанатизма. А боевую – ни-ни. Всё, идите. Выздоровливайте.

Она вышла из больницы на улицу и замерла.

Город был её городом. Те же пятиэтажки, те же тополя вдоль дорог, те же лужи после дождя. Но что-то было не так. Слишком яркое солнце? Слишком зелёная листва? Или надписи?

На остановке висел рекламный щит. Яркая картинка: улыбающаяся женщина держит пакет молока, из которого льётся золотистый свет. Текст гласил: **«Молоко от Коровьей Заимки! Заряжает магический резерв с первого глотка!»**

Рядом другой билборд: **«Заговоренные продукты оптом и в розницу. Доставка порталами круглосуточно».**

Евгения потёрла глаза. Надо же, какую ерунду рекламируют. Может, это местный прикол? Или новая рекламная кампания?

Она поймала такси. Машина как машина, серая «Лада». Водитель – обычный мужик лет сорока, в кепке, с усами.

– Куда едем, красавица? – спросил он, разворачиваясь.

– Улица Строителей, дом пять, – назвала Евгения свой адрес.

– О, это в старом районе, – кивнул водитель и тронулся с места.

Он включил радио. Оттуда лился бодрый голос диктора:

«...напоминаем нашим слушателям, что с сегодняшнего дня вступает в силу постановление Городской Думы «О порядке проведения магических ритуалов на территории населённых пунктов». Отныне любые ритуалы, включая бытовые, разрешается проводить только в специально отведённых местах, оборудованных защитными куполами. Нарушителям грозит штраф от пятидесяти до двухсот ма-

гических единиц или административное погашение в течение трёх суток. Берегите себя и своих близких!»

Евгения слушала и не верила ушам. Магические единицы? Ритуалы? Может, это розыгрыш? Или какая-то дурацкая радиопередача?

Она посмотрела на водителя. Тот крутил баранку одной рукой, второй чесал затылок. И вдруг... Евгения заморгала. Лицо водителя начало меняться. Черты поплыли, нос вытянулся, уши заострились, кожа потемнела и покрылась шерстью. Через секунду за рулём сидела огромная обезьяна – нет, не обезьяна, а похожее на обезьяну существо в той же самой кепке.

– Твою ж дивизию! – рявкнуло существо голосом водителя, когда какой-то лихач подрезал их на повороте. – Куда прёшь, козёл магический!

Морда обезьянья исказилась гневом, из пасти показались клыки.

Евгения вжалась в сиденье. Сердце ухнуло куда-то в пятки.

Существо тем временем выдохнуло, мотнуло головой – и снова стало обычным мужиком в кепке.

– Извините, – буркнул он, глянув в зеркало заднего вида. – Нервы ни к чёрту. Эти на дороге совсем оборзели.

– Вы... вы... – Евгения не могла подобрать слов.

– А что я? – водитель пожал плечами. – Оборотень я. Третье поколение. Бабка чистокровная была, а во мне уже кровь

перемешалась, вот и срываюсь иногда, когда злой. Вы не бойтесь, я безопасный. Лицензия есть, в такси работаю пятый год.

– Остановите, – выдохнула Евгения. – Остановите прямо здесь.

– Да тут полкилометра всего осталось, – удивился водитель.

– Остановите, пожалуйста!

Он послушно прижался к обочине. Евгения сунула ему первую попавшуюся купюру, выскочила из машины и захлопнула дверцу. Ноги дрожали.

Таксист опустил стекло, крикнул вдогонку:

– Эй, вы сдачи забыли! И вообще, странная какая-то...
Нездешняя, что ли?

Евгения не ответила. Она пошла пешком, стараясь дышать ровно. Спокойно. Это просто сон. Затянувшийся, дурацкий сон после аварии. Сейчас она проснётся.

Но сон не думал заканчиваться.

Она свернула на свою улицу и замерла. Тротуары были заполнены людьми. Только люди эти были... разными. Вот идёт девушка с длинными золотистыми волосами и остроконечными ушами, какие рисуют в книгах про эльфов. Рядом с ней парень – наоборот, коренастый, широкоплечий, с тяжелой челюстью и зеленоватой кожей. Орк? Настоящий орк? Дальше старушка с абсолютно синим лицом и третьим глазом на лбу везла коляску с младенцем, у которого из-под

одеяла торчал хвост.

Мимо просеменило существо, похожее на помесь кота и человека – мохнатое, с усами, в деловом костюме, говорило по телефону: «Нет, говорю тебе, этот заговор слабый, надо брать усиленный вариант, я проверял!»

Евгения шла, стараясь не смотреть по сторонам, но боковым зрением всё равно цепляла фигуры, лица, детали. На скамейке сидели два бородатых гнома и лузгали семечки, сплёвывая шелуху прямо под ноги. Из подворотни вылетела метла – сама по себе, без всадника – и умчалась ввысь. Из окна первого этажа доносилась музыка и чей-то голос, читающий заклинания вслух.

У подъезда её ждала девушка. Высокая, с рыжими кудрями, в джинсовой куртке. Знакомое лицо.

– Женька! – заорала она на весь двор. – Твою мать, Женька, ты жива! Мне в больнице сказали, что тебя уже выписали, я рванула сюда! Ты как? Голова цела? Ноги целы?

Ирина. Подруга. С которой они вместе учились в универе, вместе поступали на работу, вместе пили кофе по утрам в отделе, пока... пока что? Евгения вдруг поняла, что не помнит, работают ли они сейчас вместе. Но Ирину она узнала сразу.

– Ирка, – выдохнула Евгения и чуть не расплакалась от облегчения. – Ирка, я, кажется, схожу с ума.

– Ну, это не новость, – хмыкнула та, обнимая её. – Ты всегда была с приветом. Пойдём в квартиру, там расскажешь. А

то на улице дует, а ты после больницы.

Они поднялись на третий этаж. Лифт не работал – на дверях висела табличка «Идёт замена магического контура». В квартире всё было по-прежнему: те же обои, тот же диван, тот же чайник на кухне. Евгения опустила на стул и уставилась на подругу.

– Ир, объясни мне. Что происходит? Где я?

– Как где? – удивилась Ирина, ставя чайник. – Дома ты. В Твери. Или ты думала, тебя в Москву увезли?

– Нет, я не про то, – Евгения мотнула головой. – Я про... – она махнула рукой в сторону окна. – Там. На улице. Эльфы, орки, оборотни... И реклама про магию. И в больнице шары вместо аппаратов.

Ирина посмотрела на неё внимательно, даже как-то странно.

– Жень, ты чего? Головой ударилась сильно, да? Ты что, забыла? Это же наша жизнь. Маги, волшебники, нелюди... Они уже лет двадцать как сюда валят. Со всего мира их гонят, а у нас толерантность, понимаешь ли. – Она скрестила руки на груди. – Пустили всех, условия создали. А кто из них светлый, кто тёмный – никого не волнует. Главное, чтобы ритуалы в отведённых местах проводили. Да только многие намеренно делают это прилюдно и демонстративно.

Евгения слушала и чувствовала, как земля уходит из-под ног. Ирина говорила об этом так обыденно, как о погоде или ценах на хлеб.

– И давно это? – спросила она тихо.

– Давно, – пожала плечами Ирина. – Мы же с тобой в школе ещё учились, когда первый закон о магических переселенцах приняли. Помнишь, как у нас в классе гном учился? Рыжий такой, извините, из Лихтенштейна приехал. Его все дразнили.

Евгения попыталась вспомнить. И, о чудо, в голове всплыло: да, действительно, в седьмом классе у них появился новенький, низенький, коренастый, с густой бородой. Его правда дразнили, а он однажды так стукнул кулаком по парте, что парта развалилась. Потом родителям пришлось платить за ремонт.

– Помню, – медленно сказала она.

– Ну вот, – Ирина разлила чай по кружкам. – А ты говоришь, схожу с ума. Просто стресс после аварии. Выпей чай, поешь, поспи. Завтра всё на свои места встанет.

Евгения взяла кружку. Чай, как чай, обычный, не магический. Может, Ирка права? Может, это просто последствия травмы?

– Слушай, – вдруг спохватилась Ирина. – Ты в курсе, что тебя уже на работе потеряли? Ты ж четвёртый день не появляешься. Директор звонил, спрашивал. Я сказала, что ты в больнице, он вроде успокоился. Но завтра тебе точно надо выйти. А то замену найдут, а ты без работы останешься.

– На работу? – Евгения подняла глаза. – Куда?

– В приют, – удивилась Ирина. – Ты чего, Жень? Совсем

память отшибло? Ты же социальный педагог в приюте для одарённых детей. Имени княгини Ольги, между прочим. Забыла?

Евгения медленно поставила кружку на стол. Приют. Дети с магическими способностями. Социальный педагог. Это же... это же то, о чём говорил тот странный сон? Или не сон?

– Ир, – сказала она тихо. – А я там... давно работаю?

– Да года три уже, – Ирина посмотрела на неё с тревогой. – Слушай, может, тебе к мозгоправу сходить? К магическому, я имею в виду. У них там техники есть, память восстанавливают. А то ты какая-то... не в себе.

– Наверное, – согласилась Евгения. – Наверное, схожу.

Она допила чай и уставилась в окно. За стеклом садилось солнце, раскрашивая небо в оранжевый. Где-то вдалеке проплыла фигура на метле – уже не удивительно. По улице шли прохожие: люди, эльфы, орки, кто-то с рогами, кто-то с крыльями. Обычный вечер в обычном городе.

В её городе.

Или не в её?

Она легла на диван, накрылась пледом и закрыла глаза. Завтра она пойдёт в этот приют. Посмотрит, что там. А потом... потом разберётся.

Засыпая, она снова увидела лицо Саши Ежова. Он смотрел на неё из темноты, и в глазах его была тревога.

– Я найду тебя, – прошептала Евгения. – Если ты существуешь – я найду.

Глава 3. Приют имени княгини Ольги

Утром Евгения проснулась оттого, что за окном орали петухи. Она забыла,

что в городе бывают петухи, но, выглянув во двор, увидела соседский курятник и самого обычного петуха на заборе. Тот, правда, был ярко-синим и периодически извергал из клюва маленькие молнии, но петух есть петух.

Она сварила кофе. Кофе был обычным, без магии. Ирина уже ушла на работу, оставив записку: «Жень, я забегу вечером. Ты сегодня в приют? Если что, звони. Только по стационарному, мобильный у меня разрядился, а магическую связь не ловит».

Мобильный. Евгения нашла свой телефон – тот самый, старенький, с разбитым экраном, чудом переживший аварию. Экран не горел. Зарядка тоже не помогала. Может, и правда пора переходить на магическую связь?

Она оделась, нашла в прихожей старую куртку и вышла. До приюта нужно было добираться на автобусе – он ходил от конечной остановки за город. Евгения помнила дорогу, хотя не понимала, откуда. Тело само знало, куда идти.

Автобус подкатил ровно в восемь. Внутри сидели обычные пассажиры: женщина с сумками, дед с удочками, молодой парень в наушниках. И только приглядевшись, можно было заметить, что у парня из-под кепки торчат острые уши, а дед вместо удочек держит связку магических посохов. Ев-

гения уже почти не удивлялась.

Она вышла на конечной. От остановки к приюту вела асфальтовая дорога, обсаженная старыми липами. Впереди, на пригорке, виднелось здание – массивное, из красного кирпича, с башенками и шпилями. Оно напоминало старую гимназию или, может быть, пансионат для благородных девиц. Только над главным входом висел герб с изображением женщины в короне и магической звездой над ней – княгиня Ольга, покровительница приюта.

Территория была обнесена кованой оградой, ворота украшали грифоны с бронзовыми крыльями. Когда Евгения подошла, один из грифонов лениво повернул голову, глянул на неё рубиновым глазом и зевнул, выпустив струйку дыма.

– Своя, – машинально сказала Евгения, хотя не помнила, чтобы когда-то говорила это раньше.

Грифон фыркнул и отвернулся. Ворота со скрипом отворились сами.

Она прошла через двор, стараясь выглядеть уверенно. Внутри всё колотилось. Три года. Она работает здесь три года. Она должна знать каждого, каждую дверь, каждый запах. А в голове – пустота.

В вестибюле было тихо. Только портреты на стенах провожали её взглядами. На одном из них изображённый старик в мантии вдруг пошевелился и что-то прошептал соседу. Евгения сделала вид, что не заметила.

– Евгения Макаровна! – раздалось откуда-то сверху.

Она подняла голову. По широкой лестнице спускалась женщина в чёрном – полная, властная, с покрытой головой. Из-под платка выбивались густые чёрные волосы с проседью, нос с горбинкой придавал лицу хищное выражение. Директор. Фариза. Имя всплыло само, спасибо подсознанию.

– Фариза... – Евгения запнулась, лихорадочно вспоминая отчество.

– Давно не виделись? – усмехнулась та, спускаясь. – Четыре дня, а ты уже забыла, как меня звать? Фариза Равшановна. Или сотрясение настолько сильное?

– Извините, – выдохнула Евгения. – Голова ещё варит плохо.

– Верю, – директор окинула её внимательным взглядом. – Ты как вообще? Врачи сказали, что с памятью проблемы могут быть. Но работать-то можешь?

– Могу.

– Вот и славно. Пойдём, провожу тебя. Заодно расскажу, что у нас тут без тебя случилось.

Они пошли по коридору. Фариза Равшановна шагала быстро, уверенно, то и дело кивая пробегающим мимо детям. Те шарахались от неё, как от огня.

– В третьем классе вчера зельеварение чуть пожар не устроило, – говорила она буднично. – Степан Тимофеевич, как всегда, замечтался, а дети – народ творческий. Хорошо, Леший вовремя кусты к окнам подогнал, они пламя затушили. Так что зельевар теперь без премии.

– Степан Тимофеевич, – повторила Евгения, цепляясь за имя. Пожилой, с бородой, вечно витает в облаках. Картинка всплыла сама.

– А с боевкой порядок, – продолжала Фариза. – Валентина Сергеевна наша железная леди, у неё дисциплина как в армии. Вчера двоих старших заставила отжиматься после того, как они заклинаниями в столовой баловались. Правильно сделала.

Они завернули за угол. Из-за двери доносились голоса, смех, иногда – хлопки.

– Академия, а не приют, – вздохнула Евгения, и фраза вырвалась сама – видимо, так она говорила всегда.

– Ага, – кивнула Фариза. – Только вместо знаний – одни неприятности. Ладно, тебе твой кабинет показывать? Или помнишь?

– Помню, – соврала Евгения. – Но если вы не заняты, пройдёмтесь вместе. Освежить в памяти.

Директор глянула на неё с лёгким подозрением, но кивнула.

– Пошли. Заодно на старших глянем. У меня к тебе разговор есть по одному ученику.

Она остановилась у двери в конце коридора, обитой железом. Приоткрыла.

– Тринадцать-шестнадцать, – шепнула Фариза. – Самый сок. И самая головная боль.

Евгения заглянула внутрь. Класс как класс, парты, доска.

Учительница что-то писала мелом. И вдруг взгляд упёрся в мальчика у окна.

Он сидел отдельно от всех. Худой, тёмные волосы падают на глаза, губы плотно сжаты. Смотрел не на доску, а в окно, на серое небо. И вокруг него воздух слегка искрился, будто от статического электричества.

– Андрей, – тихо сказала Фариза. – Ты его знаешь.

Евгения кивнула, хотя не знала. Но имя уже слышала – от Ирины, кажется. Или из обрывков разговоров в больнице? Неважно. Важно то, что мальчик вдруг повернул голову и посмотрел прямо на неё.

Взгляд – взрослый, тяжёлый, настороженный. Таким смотрят люди, которые ждут подвоха.

– Проблемный? – спросила Евгения шёпотом.

– Ты же с ним работала, – удивилась Фариза. – Забыла?

– Напомните.

Директор вздохнула:

– Электромагнитные бури. Вырубает всю электронику в радиусе километра, если разозлится. Родители погибли, когда дар впервые проявился. У нас три года. Способный, умный, но волк-одиночка. В прошлом году во время ссоры с одним из воспитанников вырубил электричество во всём приюте на три часа. Пришлось ставить экранированную комнату. Ты с ним занималась индивидуально. Вроде был прогресс, а после твоей аварии опять закрылся.

Евгения слушала и лихорадочно запоминала. Андрей.

Тринадцать лет. Бури. Экранированная комната. Она с ним работала.

– Я зайду к нему позже, – сказала она.

– Зайди, – кивнула Фариза. – А сейчас пойдём, с остальными поздороваться. А то думают, что ты уволилась.

В учительской было людно. За длинным столом сидели несколько человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.